

С другой стороны, сравнивая количество кредитных кооперативов в 1918 г. (125) и на 1 мая 1923 г. (38) ставилась задача систематического расширения их сети по признаку благоприятных экономических условий и наибольшей подготовленности населения к хозяйственно-кооперативной деятельности. Там, где население не только желало организовать кооператив, но и действительно могло создать некоторый паевой капитал, а в дальнейшем поддерживать свой кооператив участием в его операциях Организационный отдел закладывал кооперативную ячейку. Союз делал ставку не на количестве организаций, а на их качестве. Для планового расширения системы Союза организационно-инструкторский отдел проводил обследование пунктов, намеченных к созданию в них кооперативов, приступая к организации таких лишь в случае положительных данных обследований. Пункты организации намечались совещанием инструкторов и одобрялись Правлением.

В целом, организационные особенности системы сельскохозяйственного кредита с заложенными в ней проблемами сказывались на эффективной работе кооперативов, побуждая к постоянным реорганизациям и изменениям, которые все больше отражали общероссийский процесс складывания государственно-кооперативной системы сельскохозяйственного кредитования.

В. А. ИЛЬИНЫХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МАСЛЯНОГО РЫНКА СИБИРИ В УСЛОВИЯХ НЭПА: ИТОГИ И УРОКИ*

Проведение на рубеже веков Транссибирской железнодорожной магистрали дало мощный толчок развитию промышленного маслоделия в Сибири. В начале 1910-х гг. регион поставлял более 1/6 мирового и 9/10 российского экспорта животного масла (*Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX–начало XX). Новосибирск, 1967. С. 162*). Государство в сферу производства и торговли маслом практически не вмешивалось. Уровень масляных цен складывался в соответствии с рыночной конъюнктурой. Характерной чертой сибирского масляного рынка в этот период была борьба между кооперацией и частным капиталом за доминирование в производстве и сбыте продукции. В 1913 г. кооперация давала половину производившегося масла и начала теснить частные фирмы в области внутрисибирского сбыта и экспорта.

Начавшаяся мировая война изменила ситуацию. Государство стало все более активно вмешиваться в регулирование масляного рынка.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 11-01-00504а.

В 1915 г. был запрещен вывоз масла за границу, осуществлен переход к директивному ценообразованию, введена государственная масляная монополия, осуществление которой в Сибири передается в руки «Союза сибирских маслодельных артелей». Потеря в связи с монополизацией рынка стимулов к расширению производства привело к его снижению.

Осуществленная колчаковским правительством демонополизация масляного рынка была кратковременной. После восстановления в Сибири большевистского режима собственностью государства объявляется не только масло, но и все произведенное в крестьянских хозяйствах молоко, которое, за вычетом минимальных потребительских норм, должно было передаваться продовольственным органам. Советская власть ликвидировала маслодельную кооперацию и национализировала заводы, производившие маслопродукцию.

Введение имеющей реквизиционный характер разверстки окончательно подорвало стимулы к ведению товарного молочного хозяйства. Резкое сокращение поголовья продуктивного скота и производства молока, разруха маслодельной промышленности привели к глубокому кризису сибирского маслоделия. В начале 1920-х гг. выпуск товарного масла в регионе упал по сравнению с довоенным периодом почти на порядок.

Отмена в начале 1921 г. под давлением широкого крестьянского повстанческого движения государственной продовольственной монополии на первых порах имела скорее декларативный, нежели фактический характер. Значительная часть произведенной продукции, в том числе молока и масла, по-прежнему отчуждалась у крестьян безвозмездно — по продналогу. Вненалоговые заготовки масла передавались в руки союзов потребительской кооперации. Последние не были свободны в своей коммерческой деятельности и находились под жестким контролем соответствующих государственных органов, которые диктовали им объемы заготовок, их способы и заготовительные цены.

Катастрофический недостаток продовольствия, получаемого в централизованном порядке, вынудил режим пойти на либерализацию сельскохозяйственного рынка. Произошла демонополизация заготовительного рынка животного масла. Была отменена монополия потребкооперации на закупки, цены «отпущены», маслодельная промышленность денационализирована, маслоартели получили право свободной продажи продукции любому контрагенту. С 1923 г. прекратилось изъятие молока и масла по натуральному налогу, а их заготовки приобрели исключительно коммерческий характер.

В 1922–1923 гг., несмотря на то, что осуществление маслозакупа официально разрешалось организациям любой формы собственности, союзы потребительской и сельскохозяйственной кооперации, закупая большую часть товарной продукции, фактически продолжали сохранять монопольное положение на рынке. Однако вскоре с ними начинают ус-

пешно конкурировать государственные торгово-закупочные организации, которые, предлагая низовой кооперации более выгодные условия сбыта, постепенно вытесняют коопсоюзы с рынка. Доля последних в централизованных маслозаготовках снизилась с 68% в 1922 г. до 59% в 1923/24 г. и 48% в 1924/25 г. (Ильиных В.А. *Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка в условиях нэпа (1921–1928 гг.)*. Новосибирск, 2005. С. 279).

Проигрыш в экономическом соревновании болезненно воспринимается лидерами сибирских кооперативных союзов, которые начинают требовать от государства административного восстановления утерянной монополии путем передачи им исключительного права вести закупки продукции у маслоартелей. Государственные регулирующие органы, оказывая поддержку в кооперировании крестьянства и вовлечении низовых кооперативов в союзы, в 1923–1924 гг. отказываются удовлетворить столь радикальные антирыночные требования кооперативных боссов.

Начиная с 1925 г. ситуация изменяется. Рост закупочных цен на масло, который угрожает устойчивости национальной валюты, признается прямым производным от конкуренции государственных и кооперативных заготовителей. В связи с этим государство передало краевому союзу маслодельной кооперации право административного контроля за сбытовой и производственной деятельностью маслоартелей. Низовые кооперативы, которые не подчинялись приказам вышестоящих союзов, а следовательно, нарушали навязанные им положения уставов, преследовались в судебном порядке. Удельный вес Сибмаслосоюза в централизованном маслозакупе увеличивается до 61% в 1925/26 г. и 73% в 1926/27 г. (Там же. С. 279).

Однако, приобретая все более централизованный характер, кооперативная система, в свою очередь, попадала под диктат партийно-государственного аппарата. Государство вновь начинает диктовать кооперации объемы, методы и условия заготовок. Естественно, что коммерческой самостоятельности лишалась не только кооперация, но и государственные маслозаготовительные организации, число которых в регионе было в принудительном характере сокращено с пяти в 1924/25 г. до двух в 1926/27 г.

Параллельно с установлением жесткого контроля за торгово-закупочной деятельностью кооперативных и государственных заготовителей государство возвращается к директивному характеру ценообразования. Первые попытки установления государственными органами предельного уровня цен относятся уже к 1924 г. В 1925 г. вводятся синдицированные цены, которые принимаются путем соглашения между основными заготовительными организациями. Однако очень скоро синдицированные цены потеряли согласительный характер и стали навязываться государственным и кооперативным заготовителям регулирующими органами.

Установление обязательных для основных заготовочных закупочных цен активизировало заготовки частных маслоторговцев, на которых эти цены не распространялись. Зимой 1925/26 г. частные фирмы снимали с рынка от четверти до трети экспортного масла и почти все предложение масла, предназначенного для внутривосточного потребления (ГАНУ, ф. Р-1073, оп. 1а, д. 26, л. 51, 52, 56). Данная ситуация послужила основанием для усиления административного ограничения деятельности частного капитала. Маслоартелям под угрозой репрессий запрещалось продавать продукцию частным маслоторговцам, а кооперативным и государственным заготовочным организациям покупать ее у них. Прекращалось кредитование частных под торгово-закупочные операции. Но самым эффективным способом борьбы с представителями частного капитала стал запрет на перевозку закупленного ими масла по железной дороге. Итогом применения этих мер стало устранение частника с оптового масляного рынка в 1926/27 г.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что сложившаяся к 1927 г. ситуация в сфере маслозаготовок характеризовалась не установлением монопольного положения кооперации, а новым изданием государственной масляной монополии, которая осуществлялась интегрированным в административно-командную систему кооперативно-государственным заготовительным аппаратом. Удельный вес последнего в снятии с рынка товарной продукции в 1926/27 г. достиг 90,2%, тогда как в 1923/24 г. доля основных заготовочных по тому же показателю составляла 77,5% (*Народное хозяйство Сибирского края (По контрольным цифрам на 1926–1927 гг.)*. Новосибирск, 1926. С. 115–116).

Процесс монополизации масляного рынка в руках государства не сопровождался успехами в восстановлении промышленного маслоделия. Если в период максимального действия рыночных механизмов (1923–1924 гг.) восстановительные процессы происходили ускоренными темпами, то с 1925 г. они стали все более заметно замедляться. В 1924/25 г. объемы рыночного предложения масла выросли на 26,6%, в 1925/26 г. — на 8,3%, в 1926/27 г. — на 7,7%. В итоге в 1926/27 г. валовое производство животного масла в Сибири составляло 84%, товарное производство — 62, вывоз за пределы региона — 55, экспорт — 40% от уровня 1913 г. в сопоставимых границах (*Ильиных В.А. Указ. соч. С. 75, 87, 185, 192, 256*).

Ключевым показателем итогов развития сибирского маслоделия в годы нэпа является размер валового производства масла, который напрямую зависел от объемов перерабатываемого молока. Однако несмотря на то, что валовое производство молока в 1927 г. превышало довоенный уровень, его сдача на маслозаводы, а следовательно, и товарность были значительно меньше. Стимулы к расширению нормы товарности молочного хозяйства подрывали низкие закупочные

цены, ставшие следствием замены рыночного механизма ценообразования на директивный. Крестьяне предпочитали расширять внутрихозяйственное потребление молокопродукции, нежели продавать ее за бесценок.

Довоенный уровень товарности не был достигнут и в связи с изменениями в социально-имущественной структуре сибирской деревни. Товарность продукции напрямую зависела от количества молочного поголовья в хозяйствах. Рассмотрим в связи с этим группировку крестьянских дворов по обеспеченности коровами в Юго-Западной Сибири в 1916 г. и в 1928 г. (% от общей численности):

Хозяйства	1916 г.	1928 г.
Без коров	9,2	5,9
С одной коровой	26,0	34,1
С двумя коровами	21,7	30,1
С тремя коровами и более	43,1	29,9

Если учесть, что крестьянские дворы без коров были потребительскими (по молоку), с одной коровой — преимущественно потребительскими, с двумя коровами — полупотребительскими, полутоварными, с тремя коровами и более — преимущественно товарными, то в 1928 г. в сибирской деревне было 29,9% товарных и 30,1% полутоварных хозяйств. В 1916 г. к товарным относились 43,1% и к полутоварным — 21,7% сельских дворов (*Бауфал А.М., Горюшкин Л.М. и др. Материалы переписи 1916 г. по Томской губернии (из опыта обработки на ЭВМ). Новосибирск, 1969. С. 291; Итоги 10% выборочного обследования отдельных хозяйств в 1928 г. по Сибирскому краю. Новосибирск, 1929. С. 143*).

Снижение удельного веса многокоровных хозяйств в годы нэпа стало следствием т.н. «классового подхода» в аграрно-крестьянской политике большевистского режима. Значительное увеличение количественных показателей состоятельности крестьянского двора грозило его хозяину переходом в категорию «кулака» со всеми вытекающими отсюда последствиями — от переобложения налогами до морально-психологического давления со стороны властей.

Полномасштабное восстановление и дальнейшее развитие промышленного маслоделия в Сибири было возможно только на путях всемерного содействия росту хозяйственной состоятельности крестьянства. Однако в конце 1927 г. выбор был сделан в пользу экономического вытеснения и постепенной экспроприации зажиточных хозяйств и производственного кооперирования деревни. Продолжалась также политика монополизации сельскохозяйственного рынка. В ее рамках в 1928 г. произошел территориальный раздел масляного рынка Сибири между кооперацией и единственной оставшейся государственной заготовительской организацией — Сибкрайгосторгом.

Ожидаемого успеха дальнейшая монополизация масляного рынка не принесла. Рост объемов централизованного маслозакупа в 1927/28 г. не только не увеличился, но впервые за пять лет уменьшился. Сибирское маслоделие вновь вступило в еще более длительную и глубокую, чем в конце 1910-х–начале 1920-х гг., полосу кризисного развития.

В.И. ИСАЕВ

НАЧАЛО ТРУДОВОГО ПУТИ: РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ СИБИРИ в 1920–1930-е гг.

Важной частью процесса социализации является включение молодых людей в трудовой процесс. В статье рассматриваются проблемы производственной жизнедеятельности рабочей молодежи Сибири, включая вопросы трудоустройства, оплаты труда, а также воспитания трудовой морали. Источниками изучения темы являются материалы сибирских и центральных архивов.

В исследуемый период большинство молодежи Сибири, получив начальное образование, переходило к трудовой деятельности. Общий низкий уровень жизни населения Сибири определял для молодежи необходимость зарабатывать на собственное пропитание с юных лет, а иногда еще брать на себя заботу о матери и младших братьях и сестрах. По материалам обследования положения рабочей молодежи в 1925–1926 гг. в ценовой промышленности Сибири подростки до 18 лет составляли около 5% от всего состава работающих. По постановлению профсоюзов предприятия Сибири должны были бронировать рабочие места для подростков, оставляя для них около 6% от общего количества рабочих мест. В общей массе работающих молодежь от 18 до 22 лет составляла около 16%, таким образом, более 1/5 всех работающих на предприятиях ценовой промышленности Сибири составляла молодежь до 22 лет (*ГАНУ, ф.п-189, оп. 1, д. 199, л. 2*).

В производственную деятельность достаточно рано включались несовершеннолетние подростки. В середине 1920-х гг. в ценовой промышленности Сибири было занято 3,5 тыс. подростков, а в целом в промышленности работало 6,4 тыс. подростков (*ГАНУ, ф.п-2, оп. 7, д. 373, л. 46*). В целом по стране среди рабочих промышленности в 1925 г. молодежь в возрасте до 23 лет составляла 15%, а в 1935 г. — 34,2% (*Стецура Ю.А. Молодежь в постреволюционном преобразовании России в 1920–1930-е гг. М., 1998. С. 98, 115*).

Включение молодежи в трудовую деятельность в исследуемый период было связано с форсированной индустриализацией. В составе ра-